

Правдин

Персонаж комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», служащий дворянин, член наместничества. Фамилия «Правдин», как полагают, заимствована из журнала «Трутень» Н. Новикова. Одно из писем о бедственном положении крестьян у «худых помещиков» подписано: «Слуга ваш Правдин».

Правдин по своему положению наблюдателя поначалу лишь косвенно участвует в сюжете комедии и почти не связан с любовной интригой, хотя и держит сторону Софьи и Милона. Постепенно, однако, его роль в комедии становится более ощутимой. Он содействует Милону, знакомит Милона со Стародумом, от которого зависит судьба Софьи; именно Правдин направляет гнев Скотинина на Митрофана, отводя его от Милона («Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сына своего»). Наконец, Правдин властью, данной ему правительством, завершает конфликт в так называемой «двойной развязке» «Недоросля»: беря опеку над именем, наказывая Простакову и отправляя ее сына служить. Высказывания и реплики Правдина об обитателях поместья Простаковых отражают в большинстве своем авторскую точку зрения. Правдин появляется в доме Простаковых как чиновник, имеющий повеление «объехать здешний округ»; одновременно, как человек и гражданин, он «из собственного подвига сердца» наблюдает за деревенской жизнью «злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно». Однако Правдин не может исполнить свою миссию до тех пор, пока Простакова не окажет первых признаков «бешенства», «от которого могли бы пострадать подвластные ей люди», — ибо только после этого она подпадает под действие закона об обязанностях наместника 1775 г. Предназначение Правдина — не просто осудить порок с высоты представлений о должности дворянина, но и наказать его силой данной ему власти.

Как ни важны рассуждения Правдина о реальном и идеально-утопическом устройстве общества и государства, он, как и Милон, не «теоретик», не идеолог. Он олицетворяет в комедии практическую власть, и было бы неверно считать Правдина «слепком» Стародума. Он куда больше идеализирует нынешнее, екатерининское правление, чем Стародум; у него меньше житейского опыта. Так, решительный и скорый на действие Правдин предлагает Стародуму сразу освободить Софью от Простаковых, но Стародум говорит ему: «У меня правило: в первом движении ничего не начинать». Правдин признает: «Редкие правило ваше наблюдать умеют». Он называет сущей истиной и другое заключение Стародума: «...между людьми случайными [то есть попавшими «в случай», фаворитами] и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница», «в большом свете водятся премелкие души» и «с великим просвещением можно быть великому скареду». Но вот Стародум рассказывает о том, как он, тяжелораненый, был обойден чином, а его знакомец граф, побоявшийся идти на войну, получил чин. «Такое неправосудие, — продолжает Стародум, — растерзало мое сердце, и я тотчас же взял отставку». Правдин не видит тут вины Стародума и полагает, что так и нужно было поступить. Между тем Стародум, выйдя в отставку, лишил себя возможности «служить долее отечеству». Теперь по прошествии времени Стародум понимает, что ему нужно было «владеть собою», «надлежало образумиться», что «любочестие» его приняло вид раздражения, притом напрасного и ложного. Правдин опять не удовлетворен ответом, потому что закон о вольности дворянской позволяет оскорбленному дворянину уйти со службы. В нем все еще преобладает чувство дворянской гордости. Его убеждает лишь последний довод Стародума: дворянин может оставить службу, если он удостоверен, что она «его отечеству прямой пользы не приносит». Так у Правдина постепенно формируется

верное представление о дворянской чести, перекрывающее отвлеченно-сословное понятие о дворянском достоинстве. Не знает Правдин и придворной жизни. Он допускает, что при дворе идет борьба самолюбий. Но Стародум настроен более скептически: «Тут не самолюбие, а, так сказать, себялюбие», исключаящее пользу отечества. Правдин полагает, что Стародум «отошел от двора ни с чем», и опять ошибается. «Я отошел от двора, – продолжает Стародум, – без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правила». Но главное, что Правдин никак не хочет понять: служба при дворе бесполезна; двор не просто «болен», но его уже нельзя излечить. И тогда Стародум произносит ключевую фразу: «Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится». С приходом Софьи беседы Правдина и Стародума приобретают новое направление. Теперь в центре внимания собеседников — семейно-бытовое воспитание — и превосходство Стародума не столь неоспоримо.

Поначалу Стародум успешно опровергает размышления Правдина о богатстве, в основе которых — ходячие представления («Чтоб быть богату, как другие»). Богатство зависит от «воображения»; нужно ограничить потребности, опираясь на естественную природу человека и с помощью общественно-семейного воспитания. И тут «практик» Правдин спускает Стародума с этико-философских высот в конкретную современность: «...выдав ее (Софью), не лишнее было бы оставить и детям...» Возражая, Стародум постепенно запутывается в определениях: если оставлять богатство детям не нужно («Умны будут — без него обойдутся»), зачем он тогда объявляет Софью наследницей? Не потому ли, что не уверен, смогут ли Софья и Милон избежать бедности без его помощи? Жизненная реальность расходится с теоретическими выкладками, сколь бы привлекательны они ни были. Правдин молчанием встречает рассуждение Стародума о богатстве и детях, тогда как с другими его мыслями спешит согласиться; не заостряя разговор, он переводит его в привычный для Стародума отвлеченно-этический план: «Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатым оказывается почтение».

Во втором разговоре Стародума с Правдиным снова обсуждаются этико-психологические и философские основы воспитания. И опять-таки между персонажами (при согласии в общих взглядах) ощутимы важные различия. Правдин более осведомлен в реальной практике, Стародум — в «теории». Правдин слаб в оценке «вышней власти», Стародум — в провинциальной, захолустной и заброшенной. Еще в разговоре с Милоном Правдин с пафосом восхвалял «человеколюбивые виды вышней власти». Теперь он спокойно и твердо сообщает Стародуму о данном ему от наместника поручении. Стародум сразу подхватывает тему и развивает мысль об идеальном просвещенном государе, улетая мыслью в некое утопическое будущее: «Там все скоро ощутят...» Но Правдин, не споря о должном и желаемом, обращает взор Стародума к жизненной реальности: «да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!» Стародум снова пускается в философские размышления и предлагает выход: «Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами». Но как раз «своими глазами» Стародум ничего не видит. Он видит «идеально-утопическими глазами», неким отвлеченным умственным зрением Правдин тут же переводит рассуждение Стародума в практический план, затрагивая самый больной вопрос — вопрос о крепостном праве: «Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...» Прерванная (очевидно, не по художественным только, но и по цензурным соображениям) мысль легко может быть продолжена: удовольствие владеть «свободными (не крепостными!) душами» должно быть столь велико, что непонятно, какие побуждения отвлекают государей (это уже в адрес Екатерины II!) от освобождения крестьян от крепостной зависимости. Стародум сразу же догадывается

о направлении мысли Правдина; он говорит о множестве сетей, которые государь разорвать не в силах, и о «толпе скаредных льстецов», прилепившихся ко двору и преследующих только свои выгоды. Правдин тоже негодует, простив льстецов, но недоумевает, каким образом при таком засилье злонравия можно «сделать людей добрыми...» В конце концов оба собеседника, и «практик», и «теоретик», приходят к мысли о том, что, кроме воспитания, нет другого способа увеличить число достойных людей, дабы законы, основанные на благонравии, действовали. Правильное воспитание дворянина, следовательно, залог благосостояния государства. Но воспитание не столько ума, сколько души.

Разговор между Правдиным и Стародумом прерван разоблачением «заговора» Простаковой. Правдин намеревается наказать Простакову «всею строгостью законов», ибо не верит в ее раскаяние и убежден, что она неисправима. Поэтому Правдин убеждает Софью и Стародума подать жалобы. Однако и Софья, и Стародум имеют «души» и прощают Простакову, в надежде, что она «перевоспитается». Недостаточность идеи воспитания, отстаиваемой Стародумом, побуждает Фонвизина дать новую развязку. В ней-то Правдин и выполняет свою главную роль. Стоит Софье и Стародуму великодушно простить Простакову, как ее охватывает «бешенство». Убедившись, что Простакова превратно толкует закон и что никакими способами ее злонравие искоренить невозможно, Правдин употребляет силу закона, дабы оградить слуг от угрожающей им расправы. Тем самым он дает наглядный «урок» Стародуму: в практической жизни воспитание словом должно быть дополнено воспитанием законом, и есть такие «звери», от злонравия которых «гражданское спокойствие» надо защищать. Теперь уже Стародум должен согласиться с Правдиным и оправдать его действия.

Недостаточная типичность такой развязки не укрылась от внимания критиков. П. Вяземский писал: «Правдин... разрезывает мечом закона сплетение действия, которое должно бы быть развязано соображениями автора, а не полицейскими мерами наместника». Впрочем, комедия Фонвизина стоит у самых истоков драматургии характеров; это не могло не сказаться на образах выведенных в ней героев; на образе Правдина — прежде всего.